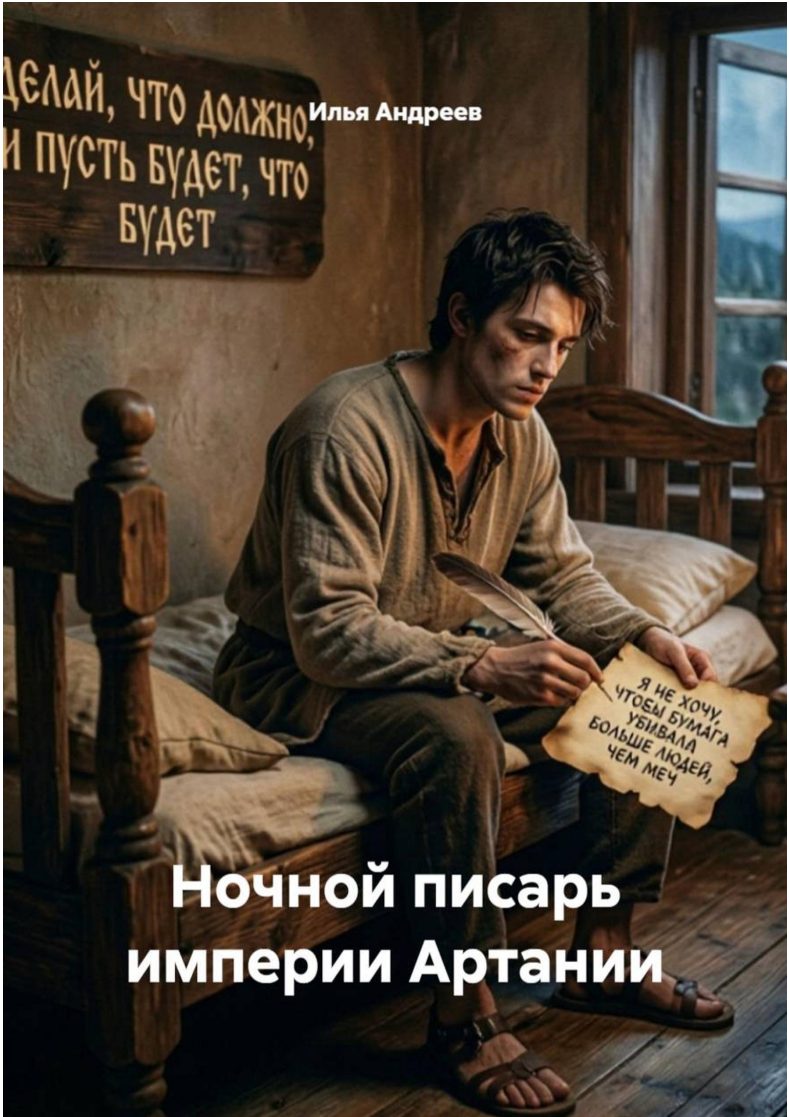

Илья Андреев

Ночной писарь империи Артании

Илья Андреев

Ночной писарь империи Артании

https://litres.ru/74944822
SelfPub; 2026

Аннотация

Тихий мальчик из дома у фонтана Пепла, мечтавший лишь о тишине библиотек и восковых табличках, волей чужого решения оказывается в двух шагах от трона великой империи — и становится правителем, который не завоевывает, а держит мир словом: спит на жёсткой раме, продаёт дворцовое золото, чтобы оплатить войну, сжигает нераспечатанным сундук с именами предателей — «я не хочу, чтобы бумага убивала больше людей, чем меч», — теряет жену у подножия гор и каждую ночь при свете масляной лампы напоминает себе простые истины о терпении, смерти и достоинстве, пока чума, мятеж и одна роковая ошибка не учат его главному: империи рассыпаются, а ночные записи остаются; это повесть о писаре на троне, для которого «делай, что должно, и пусть будет, что будет» — не капитуляция, а самая дерзкая форма достоинства, и о словах, что держат мир крепче любого меча.

Илья Андреев
Ночной писарь империи Артании

Ночной писарь империи

ДОМ У ФОНТАНА ПЕПЛА

В год Серебряной Лилии восемьсот двенадцатый, когда зима выдалась на удивление мягкой, а снег в Велорине сошёл уже к середине месяца Пробуждения, в доме старинного рода Анниев родился мальчик. Роды были трудными — мать, молодая женщина с глазами цвета речной воды, кричала всю ночь, и повитуха, старая Мелания, знавшая на своём веку не менее сотни младенцев, уже начала опасаться худшего. Но к рассвету, когда над черепичными крышами столицы поднялось бледное солнце, раздался первый крик — тонкий, хриплый, но упрямый.

— Жив, — сказала Мелания, обтирая ребёнка льняной тканью. — И мать жива. Счастливый день.

Отец, Марк Анний, стоял у окна, глядя на город, раскинувшийся внизу — кварталы ремесленников, арки акведуков, дым кузниц, — и не мог заставить себя обернуться. Он боялся, что если обернётся и увидит сына, то полюбит его слишком сильно. А Марк Анний знал за собой эту слабость:

он любил слишком сильно всё, что было ему дорого, и потому терял. Так уж устроены люди его рода — они отдают себя целиком, без остатка, и мир, не привыкший к такой щедрости, рано или поздно отбирает у них всё.

— Как назовём? — спросила Мелания.

Марк помолчал. За окном проплывала стая птиц — не то скворцов, не то жаворонков, — и их тени на мгновение затмили свет.

— Доран, — сказал он наконец. — Пусть будет Доран.

Имя было старинное, почти забытое. В нём слышалось что-то от древних свитков, от пыльных библиотек, от тех времён, когда Артания была ещё не империей, а союзом городов, и люди ценили не золото, а слово. Марк Анний выбрал это имя не случайно: он хотел, чтобы сын вырос учёным, а не воином. Войны он насмотрелся вдосталь — три года провёл на Серебряном валу, видел, как умирают молодые парни, как гниют раны, как матери получают обратно сыновей без рук и без глаз. Он не желал такой судьбы своему ребёнку.

Но судьба, как известно, не спрашивает разрешения.

Через два года и семь месяцев Марк Анний умер — тихо, во сне, от какой-то странной болезни, которую лекари не сумели даже назвать. Он просто не проснулся однажды утром, и лицо его было спокойным, словно он увидел во сне что-то очень хорошее. Дорану не исполнилось и трёх зим. Он не запомнил отца — только смутное ощущение тепла, запах ко-

жаного переплёта и низкий голос, читавший ему вслух что-то непонятное, но красивое.

Воспитание взял на себя дед — Гней Анний, седой градоначальник, трижды избиравшийся первым советником Велорина. Это был человек старой закалки: прямой, жёсткий, не терпящий пустословия. Он не умел говорить ласковых слов и не умел обнимать, но зато умел другое — учить. Каждое утро, ещё до рассвета, он будил внука и вёл его в свой кабинет, где на полках стояли свитки и кодексы, собранные за три поколения. Там, при свете масляной лампы, они читали вслух — сначала простые тексты, потом сложнее, потом ещё сложнее. Гней Анний считал, что человек, умеющий читать и понимать прочитанное, уже наполовину защищён от глупости. А глупость он ненавидел больше, чем порок.

— Запомни, — говорил он, тыча сухим пальцем в очередной свиток. — Империи рушатся не от врагов. Они рушатся от собственной глупости. От того, что люди перестают задавать вопросы и начинают верить тем, кто громче кричит. Ты должен уметь сомневаться, Доран. Сомнение — это не слабость. Это инструмент.

Мальчик кивал и записывал. У него была странная привычка: всё, что он слышал или думал, он записывал на восковых табличках. Маленьких, размером с ладонь, которые он всегда носил с собой в кожаном мешочке на поясе. Сверстники смеялись над ним — кому придёт в голову писать в таком возрасте? — но Доран не обращал внимания. Ему

нравилось, как стилус скользит по воску, оставляя борозды. Нравилось, что можно стереть написанное и написать заново. Нравилось, что слова остаются — пусть даже на время, пусть даже на мягком воске, который растает от жара.

Соседи прозвали его «вернейший». Прозвище прилипло после одного случая: когда Дорану было девять, он пообещал соседскому мальчику, сыну кузнеца, что принесёт ему перо из крыла журавля — просто так, ради шутки. Мальчик забыл об этом через час. Доран помнил три месяца. Он ходил на болота за городом, где останавливались журавли, и ждал, пока какая-нибудь птица не обронит перо. Ждал долго, терпеливо, стоя по колено в холодной воде. И принёс. Кузнец, узнав об этом, долго качал головой и сказал: «Этот мальчик либо станет святым, либо сломается. Третьего не дано».

Велорин в те годы был городом контрастов. С одной стороны — мраморные дворцы на Палатинском холме, где жили патриции, с другой — кварталы ремесленников у реки, где пахло кожей, рыбой и потом. Между ними — рынки, бани, храмы, арки, колонны, статуи императоров, давно превратившиеся в птичьи насесты. Доран рос на границе этих двух миров: дом Анниев стоял на склоне холма, откуда было видно и то, и другое. Он видел, как утром патриции выезжают в носилках, окружённые рабами, и как вечером те же рабы возвращаются в свои каморки, усталые и молчаливые. Видел, как богатые покупают за один обед то, на что бедные

не могут прожить месяц. Видел и запоминал.

Он не был бунтарём. Не кричал о несправедливости, не разбрасывал листовки, не призывал к перевороту. Он просто наблюдал — и делал выводы. А выводы были простые: мир устроен неправильно, но изменить его нельзя. Можно только попытаться не стать частью этой неправильности. Или — стать, но остаться собой. Второе казалось ему более интересной задачей.

В шестнадцать лет он уже знал три языка, разбирался в философии лучше многих взрослых и мог часами говорить о том, почему одни государства живут дольше других. У него была своя теория: империи держатся не на силе, а на привычке. Люди привыкают к определённому порядку вещей, и пока эта привычка не разрушена, никакие варвары не страшны. Разрушить привычку — вот что по-настоящему опасно. А разрушают её не мечи, а страх. Страх перед будущим, перед голодом, перед чумой, перед тем, что завтра будет хуже, чем вчера.

— Ты слишком много думаешь, — сказал ему однажды дед, когда Доран изложил ему эту теорию. — Это хорошо. Но помни: думать и делать — разные вещи. Ты можешь придумать идеальный закон, но если ты не знаешь, как заставить людей его исполнять, твой закон ничего не стоит.

— А как заставить? — спросил Доран.

— А вот этому, — дед усмехнулся, — я тебя не научу. Этому нельзя научить. Это либо есть, либо нет.

Он умер через год — тихо, как и отец Дорана, во сне, оставив внуку дом, библиотеку и долги. Долгов было немного, но они были — старые займы, неоплаченные счета за мрамор для ремонта, жалованье слугам за три месяца. Доран продал часть библиотеки, чтобы расплатиться. Это было больно — расставаться с книгами, которые он знал наизусть, — но он сделал это без колебаний. Долги надо платить. Это тоже была привычка. Хорошая привычка.

Зов пришёл в виде письма, запечатанного императорской печатью. Доран никогда в жизни не получал таких писем. Он вертел конверт в руках, не решаясь вскрыть, и думал о том, что, возможно, это ошибка. Может быть, письмо предназначено другому Дорану — какому-нибудь сенатору, полководцу, епископу. Может быть, курьер перепутал адрес. Может быть, это чья-то злая шутка.

Но печать была настоящая. И внутри было написано его имя — полное, с указанием рода и квартала: «Дорану, сыну Марка Анния, из дома у фонтана Пепла».

Старый владыка Артании умирал. Ему было семьдесят три года, он правил сорок лет и не имел наследника. Его единственный сын погиб на войне двадцать лет назад, оставив после себя мальчика — Луция, — но Луций был слишком молод и слишком неопытен, чтобы принять империю. И тогда владыка придумал странную, почти безумную комбинацию: он решил совершить тройное усыновление. Его пре-

емником становился Патроний — справедливый наместник, человек честный и осторожный. А Патроний, в свою очередь, обязан был взять в сыновья двух юношей: Дорана и Луция. Так империя получала не одного наследника, а сразу трёх — и каждый из них должен был уравновешивать остальных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.